

В. ЛЁВШИН

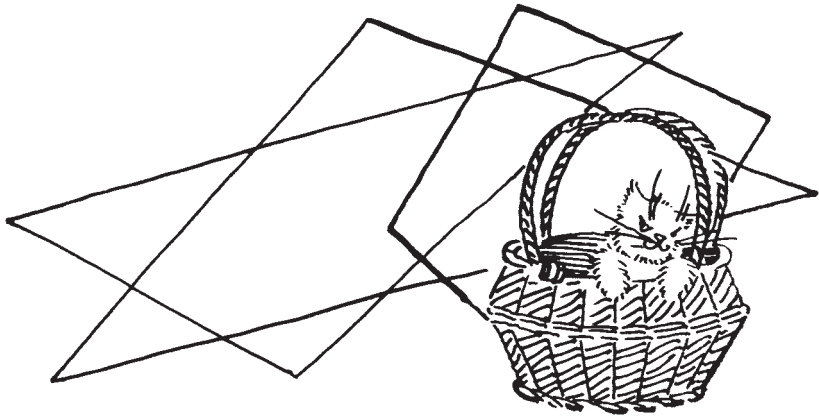
Все приключения

РАССЕЯННОГО МАГИСТРА

ТРИЛОГИЯ

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2022

С ЧЕГО ВСЁ НАЧАЛОСЬ?

Я проснулся от резкого продолжительного звонка. Было пять часов утра. «Кто это в такую рань?» — подумал я и пошёл открывать.

На площадке стоял незнакомый человек в тёплом свитере и коротких штанишках. На ногах — гольфы и бутсы. Синий берет с помпоном лихо сдвинут набок, рыжая борода от уха до уха, зато усов — никаких. Ни дать ни взять — шкипер с пиратского судна, не хватает только трубки в зубах. Но глаза у незнакомца были удивительно добрые.

— Я вас не разбудил? — спросил он обеспокоенно.

— Нет, что вы, — ответил я без особого энтузиазма. — В это время я обычно натираю полы.

— В таком случае не стану вам мешать. Оставлю только корзину.

— Какую корзину? — удивился я.

— Неужели вы забыли, что вчера по телефону обещали взять её до моего возвращения? Вот ваш адрес, вы сами его мне продиктовали.

Первое заседание КРМ

открылось в воскресенье в два часа дня у меня на квартире. Как и полагается первому заседанию, оно было торжественным: на круглом столе — сладости, фрукты, графин с апельсиновым соком и, конечно, цветы.

У новоиспечённого президента прямо-таки глаза разбежались от такого великолепия. Надо воздать ему должное: после героической борьбы с самим собой он наконец оторвался от стакана с оранжевой жидкостью и попросил присутствующих считать заседание открытым.

Словно подтверждая слова своего друга, Пончик жизнерадостно тявкнул из-под стола, и мы приступили к делу.

Решено было каждый раз обсуждать одну главу диссертации. Читать будем вслух, по очереди. Кому начинать? Тут и спрашивать нечего: конечно, Тане (как-никак единственная дама в нашей суровой мужской компании!).

Я величественно возложил рукопись Магистра на стол, и после оглушительного туша на гребёнках Таня объявила:

Диссертация Рассеянного Магистра

ТРОЕ В ОДНОМ КУПЕ МИНУС ПАПА

Вы спросите: что я люблю больше всего на свете? Пирожные? Нет. Собак? И нет и да. Путешествия? И да и нет.

Больше всего на свете я люблю ма-те-ма-ти-ку! А уж потом — путешествия, затем — собак и, наконец, — пирожные!

Когда я отправляюсь в путь, я покупаю два десятка пирожных, отдаю в надёжные руки своих птиц, домашних животных и укладываю в рюкзак всё, что нужно математику.

Чемоданов я не терплю. У меня большой рюкзак с множеством разных карманов, карманчиков и карманищ. На каждом я пишу, что в нём лежит.

В одном карманчике у меня только чернила и ручки — это самое важное в дороге. Там у меня стоит бутылка, куда я выливаю одиннадцать склянок синих чернил, а рядом кладу семь ручек. А на карманчике пишу: здесь всего восемнадцать... этих... как их?.. Вертится слово на языке, а вспомнить не могу. Ну, если сложить одиннадцать склянок и семь ручек, то получится... В общем, неважно, что получится, главное, что одиннадцать плюс семь всегда восемнадцать.

На другом карманчике написано: «Чертёжные принадлежности». Прежде всего циркуль — без него не провести ни одной прямой линии. Рядом угольник — в дороге приходится измерять разные углы, тут без угольника не обойтись...

Так у меня разложено всё необходимое. И всё-таки в этот раз я забыл захватить очень нужную вещь — географические карты! Придётся у каждого встречного спрашивать, на какой я улице и в какой стране.

Всё ясно! Шесть меньше одиннадцати, вот я и направился на улицу «0,6». Но Единичка и тут проявила свой несносный характер и, несмотря на уговор, потащила меня на улицу «0,11». Упрямица!

Улица была как улица: ничего особенного. Единичка сразу заскучала, и мне пришлось её развлекать. Я рассказал ей про моего чудесного котёнка, который умеет лаять на четырёх языках. Это ужасно рассмешило Единичку, и она почему-то начала мяукать на разные голоса.

— Почему же вы его не взяли с собой? — спросила она.

— О, котёнок в надёжных руках, — ответил я. — Он у одного очень серьёзного человека. И очень умного: ежедневно в пять утра он натирает полы в своей квартире.

— Он, наверное, тоже магистр. Как и вы, — сказала Единичка и почему-то вздохнула.

Так, разговаривая, вышли мы на небольшую треугольную площадь. Посреди площади помещался фонтан. Тоже треугольный. Как я заметил, оба треугольника — площадь и фонтан — были подобные. Только вот углы у них оказались разные: у фонтана один угол прямой, а два острые, а у площади два угла были тупые.

Мне пришло в голову, что раз мы находимся в Пифагорске, то, наверное, и треугольники должны быть пифагоровы. Я решил это проверить: растопырил пальцы правой руки (расстояние между моим большим пальцем и мизинцем ровно четверть метра) и быстро произвёл измерение сторон фонтана. Как я и предполагал, длина их была три, четыре и восемь метров. Итак, этот треугольник пифагоров, или, как его ещё называют, египетский.

Я уже хотел приступить к измерению большого треугольника, но вдруг обнаружил, что спутница моя исчезла. Вот те раз! Несчастный я человек. Что я скажу папе Минусу?

С горя я хотел было присесть на скамейку, но на ней не оказалось свободного местечка: она была завалена детскими платьями, рубашками, штанишками... И вдруг — о радость! —

Гм! Три жетона на 27 шариков?! Можно ли решить такую задачу?

Размышления мои прервал громкий плач. Какой-то мальчик, склонившись над тетрадкой, обливал её горячими слезами. Оказалось, он не может решить предложенную задачу. Ну, вы уже знаете, что я совершенно не выношу, когда дети плачут.

— Что тебе задано? — спросил я.

— Сократить две дроби, — всхлипывая, отвечал мальчик, — шестнадцать шестьдесят четвёртых и двадцать шесть шестьдесят пятих. А они никак не сокращаются!

— Это же сущие пустяки, — утешил я его. — Обрати внимание на то, что у дроби $\frac{16}{64}$ и в числителе, и в знаменателе имеется по шестёрке. Так зачеркни же их скорей!

— Спасибо! — обрадовался малыш. — Значит, и во второй дроби, $\frac{26}{65}$, тоже можно зачеркнуть по шестёрке и в числителе, и в знаменателе?

Мальчик тут же записал оба ответа на отдельной бумажке и понёс её к стюардессе. Та мельком взглянула на бумажку и похвалила мальчика за правильное решение.

Два десятка ребячьих голосов крикнули: «Ура!» Польщённый, я вежливо раскланялся. Приятно всё-таки, когда тебя оценили по достоинству. Правда, оказалось, что «ура» кричали совсем по другому поводу. Дело в том, что мальчики (а их ехала целая футбольная команда, да ещё четыре запасных игрока) решили очень трудную задачу.

Стюардесса принесла им три коробки. В каждой лежали разноцветные полосы шёлка. В одной коробке зелёные, во второй — голубые, в третьей — розовые.

Каждому из футболистов предлагалось сделать из этих полос вымпел, но так, чтобы у всех игроков, включая запасных, вымпелы были совершенно разные.

Я, конечно, сразу понял, что эту задачу решить невозможно. Из полосок трёх цветов пятнадцати различных вымпелов не получишь. Значит, придётся футболистам лететь обратно в Пифагорск. А футбольный матч, конечно, не состоится! Как

только трёхцветные, но и одного или двух цветов. Одноцветных можно сделать только три, двухцветных — шесть. Прибавь сюда шесть вымпелов, которые получились из комбинации трёх цветов: $6 + 3 + 6 = 15$. То, что нужно!

— И уйдёт на это 33 полосы, по одиннадцати каждого цвета, — подсчитал Сева.

Официантка стала убирать со стола, и мы поняли, что пора закругляться. К счастью, оставался всего один необсуждённый вопрос. Тот самый, который задала Магистру стюардесса.

— На этот раз Магистр был прав, — сказал Нулик. — Без таблицы квадратов этой задачи не решить.

Таня посмотрела на него искоса:

— Вот как? Ладно. Тогда скажи вот что: если ты возведёшь 5 в квадрат, во сколько раз увеличится пятёрка?

— В пять раз.

— Верно, — согласилась Таня. — А если некое число при возведении в квадрат увеличилось в 3,4 раза, что это было за число?

Президент развёл руками:

— Выходит, оно само и было. Три и четыре десятых.

— А ты говоришь — таблицы!

После этого президенту оставалось только закрыть заседание.

Диссертация Рассеянного Магистра

ЮБИЛЕЙ В АЛЬФАБЕТАГАММЕ

Когда мы приземлились, выяснилось, что мы с Единичкой сели не в тот самолёт и, вместо того чтобы догнать папу Минуса, оказались в совершенно незнакомой местности. По-моему, где-то в тропиках, потому что солнце палило неимоверно. Пришлось немедленно надеть тёмные очки.

На аэродроме собралась огромная толпа местных жителей. Вероятно, решил я, это встречают ехавшую с нами футбольную команду — кто же, кроме футболистов, может удостоиться таких почестей? Но вот так история! Люди приветствовали вовсе не футболистов, а нас. Они размахивали флажками, кричали... Высоко над толпой плыли полотнища с надписями: «Привет знаменитому Магистру!», «Да здравствуют наши дорогие гости!».

Можете себе представить, как я смутился. Хотел даже нырнуть обратно в самолёт. Но в это время к трапу подошла делегация. Как выяснилось, это были члены юбилейного комитета. Председатель преподнёс Единичке огромный букет цветов, а ко мне обратился с речью:

— Препреуважаемый Магистр тр-тр-тр-тр наук! (Каких наук, я не расслышал и потому обозначил неразборчивое слово прилагательным «тр-тр-тр-тр».) Мы, жители города Альфабетагамма (точного названия я тоже не запомнил), — мы счастливы, что вы вместе с вашей прелестной спутницей решили отметить день своего рождения не где-нибудь, а именно у нас.

Страусиному тренеру вручили приз — хрустальный куб самой правильной формы. На каждой из двенадцати граней этого куба было изображено по страусу — 12 красавцев страусов! Все шесть рёбер куба были сделаны из золотой проволоки, а в каждой из четырёх его вершин горело по огромному рубину.

Мне стоило больших трудов уговорить Единичку покинуть стадион — она непременно хотела совершить верхом на страусе круг почёта, держа в руках куб победителей. Пришлось пообещать, что угощу её бананами. Только тогда отказалась она от своей затеи.

Тотчас после соревнований нас повезли в школу на показательный урок математики — лучшего подарка для меня не придумаешь! Но — увы! — как ни больно мне в этом признаться, я был разочарован. Познания учеников оставляли желать лучшего. Объясняю это жарким климатом.

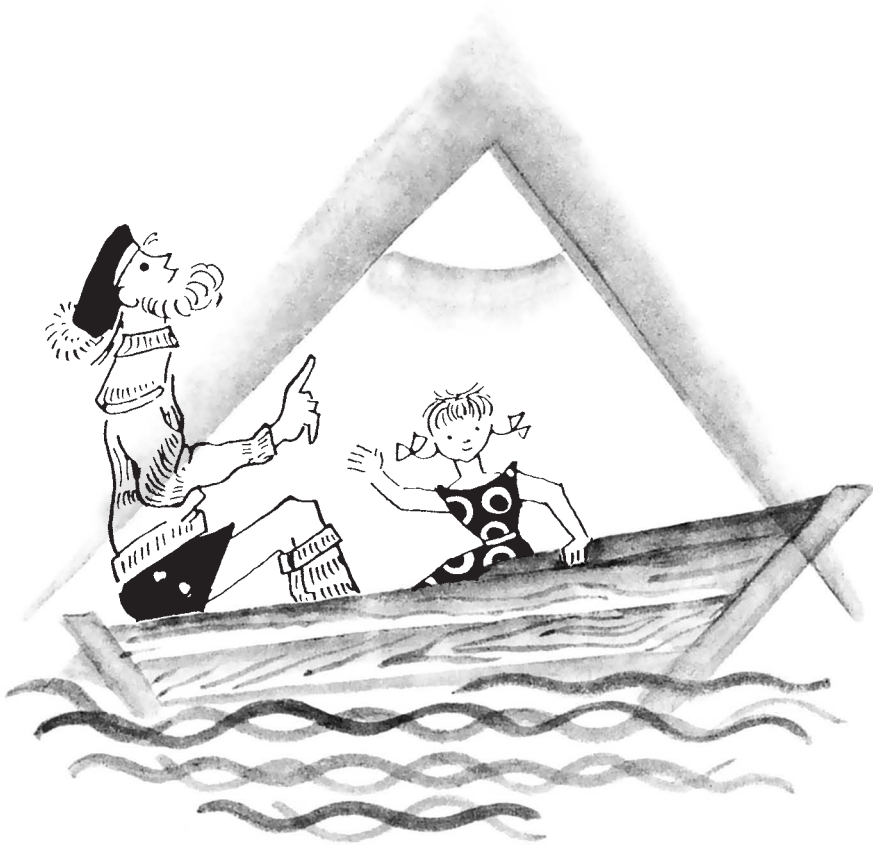
Один малыш (может быть, потому, что он был слишком мал) не мог разделить целое число на целое, подумайте! Ему было задано разделить тысячу двести двенадцать на 12. Что может быть проще? Тысяча двести двенадцать состоит из двух чисел «двенадцать», написанных рядом. Каждое «двенадцать» при делении на 12 даёт по единице. Значит, и ответ будет 11. Тут и думать нечего!

А вот другой ученик, хотя и был гораздо старше первого, допустил совершенно невероятные ошибки. Я сам слышал, как учительница диктовала чётко и ясно: перемножить два числа — два в пятой степени и девять во второй.

Всем известно, что показатель степени пишется справа и чуть повыше основания степени. Значит, два в пятой степени надо записать так: 2^5 . Точно так же записывается и девять во второй степени: 9^2 . А этот мальчик (о ужас!) написал все четыре цифры подряд. Вот и получилось у него 2592. Удивительно безграмотно! Хуже всего то, что учительница ничего не заметила. Она даже похвалила ученика! Чтобы больше не расстраиваться, я срочно покинул эту школу.

Когда мы с Единичкой проходили через огромный спортивный зал, она, видимо, чтобы развлечь меня, спросила:

капитана... Но что это? В подзорную трубу я увидел, что капитан как ни в чём не бывало стоит на капитанском мостике, а все 12 пиратов лежат связанные на палубе. Откуда же взялся капитан? И где он пропал? Этого я, наверное, никогда не узнаю.

Впрочем, тогда мне было не до загадок, так как впереди показался какой-то неведомый остров. Чем ближе мы к нему подходили, тем он нам больше нравился. Берег его был совершенно прямой. Чтобы сократить путь, я направил шлюпку перпендикулярно к этому берегу. Ведь все знают, что перпендикуляр — кратчайшее расстояние от точки до прямой. Но Единичка (как всегда, некстати) почему-то решила меня проэкзаменовать. Она спросила:

— Какие две прямые называются взаимно перпендикулярными?

— Ясно какие, — ответил я, — те, которые при пересечении образуют прямые углы.

— А какие углы называются прямыми? — продолжала Единичка.

— Как — какие? — возмутился я. — Прямыми называются углы, образованные двумя перпендикулярами.

— А какие прямые называются перпендикулярными? — приставала она.

— Я же только что сказал: такие, которые образуют при пересечении прямые углы.

— А какие углы называются прямыми? — не унималась ехидная Единичка.

Ну что поделаешь с такой бестолковой ученицей! Так бы мы и спорили без конца, но тут, на моё счастье, шлюпка уткнулась носом в берег. Представьте себе, какая удача: остров оказался необитаемым. Это я узнал от местных жителей, которые вышли нас встречать.

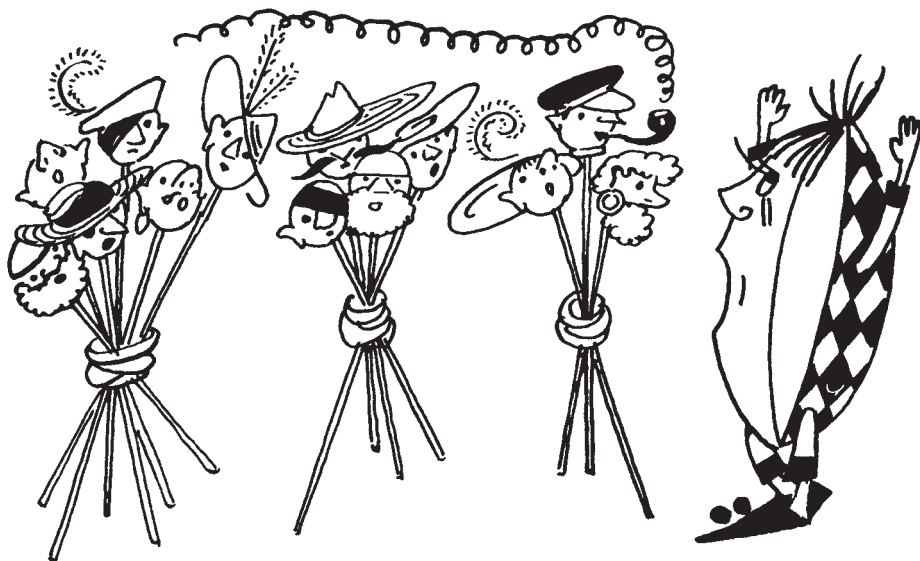
Приятно чувствовать себя Робинзоном! Вот только Единичка была чересчур уж насмешливой Пятницей. С ней держи ухо востро!

Ну, о наших приключениях на этом необитаемом острове — в следующей главе.

Пятое заседание КРМ

большинством голосов при одном воздержавшемся (Пончике) решено было провести у меня на квартире, в спокойной домашней обстановке. На этот раз Нулик внимательно слушал чтение и пообещал активно участвовать в разборе. Но... так как речь пойдёт о бананах, сказал он, то ему лично хотелось бы, чтобы они и в самом деле лежали на столе.

— Бананов нет, — сказал я.

Вот если бы Магистр сказал, что прямым углом называется каждый из двух равных смежных углов, тогда всё было бы в порядке. Впрочем, можно определить прямой угол и через перпендикуляр, но обязательно сказав при этом, что перпендикуляром к прямой линии называется общая сторона двух равных смежных углов.

Правда, в этом случае мы должны были бы заранее знать, что смежными углами называются такие два угла, у которых одна сторона общая, а две другие лежат на одной прямой. А при этом, в свою очередь, необходимо определить, что такое угол. Понятие угла повлечёт за собой необходимость выяснить, что называется прямой линией...

Таким образом у нас получится цепь независимых, но опирающихся друг на друга определений. Есть ли у этой цепи конец? Нет. Как нет конца науке, в которой постоянно появляются новые понятия, вытекающие из предыдущих. Зато начало имеется.

Что же это за изначальные понятия? Это такие простейшие понятия, которые не опираются на предшествующие.